

Елена А. Бобко, Валерия Е. Чернявская
(Санкт-Петербург)

«Вербализованная история»: объект исследований, средство познания, инструмент идеологии¹

Ключевые слова:
*исторический текст,
исторический дискурс,
вербализация знания,
историческая эпистемология,
идеологическая
ангажированность,
ксенонимы.*

У раду се разматра „вербализована историја“ са трију аспеката: (1) као објекат интердисциплинарног истраживања, (2) средство социјално-хуманистичке спознаје и (3) инструмент идеолошког утицаја. На основи прегледа истраживачких интересовања у оквиру поменутих приступа изводи се закључак о кључном значају лингвистичке проблематике, посебно при сагледавању питања о споју научних и идеолошких мотива у историјском дискурсу. Особености вербализације историјског знања приказују се на примеру неутралне/тенденциозне употребе ксенонимске лексике у текстовима посвећеним историји Русије хх века.

Предметом нашего анализа являются тексты, вербализующие историю. Эти тексты мы будем называть историческими, понимая под историческим текстом *речемыслительное произведение, представляющее собой отражение фрагмента социально-исторической действительности и являющееся резуль-*

татом деятельности автора/-ов, реализующего/-их определенные коммуникативные намерения. Такие тексты входят в исторический дискурс.

Рассмотрение содержательно-тематической общности исторических текстов в качестве специального типа дискурса продиктовано тем, что дискурсный под-

1) Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ №12–24–20000 а/м

ход предлагает гибкий принцип разделения коммуникативно-общественных сфер и коррелирующих с ними речевых систем. Это позволяет объединить исторические тексты на основе их тематической отнесенности к общей сфере социально-культурной практики, а именно – к области познания социально-исторической действительности. Дискурсный подход фокусирует внимание как на коммуникативно-языковом, так и на процессуально-деятельностном, социокультурном измерении исторического знания, особенностях его продуцирования и вербализации.

С исследовательской точки зрения, исторический дискурс интересен тем, что является олицетворением социально-гуманитарного познания (Бобко 2012). С одной стороны, науки о человеке и обществе характеризуются своей идеографичностью, с другой – подчиняются законам рационального осмысления мира. Лингвистическое исследование текстов, вербализующих историю, представляется важным в свете того, что язык истории в начале XXI в. относится к числу активно изучаемых и, вместе с тем, недостаточно изученных феноменов.

Обозначенная в заголовке статьи триада «объект исследований, средство познания, инструмент идеологии» акцентирует различные аспекты исторического дискурса. Как эти аспекты связаны между собой? Какая научная проблематика кроется за каждым из них? Какой интерес представляют они для языковедов? Данным вопросам посвящен и обобщающий обзор актуальной познавательной ситуации, и лингвистический анализ языкового материала. Наша цель, таким образом, заключается в том, чтобы проследить взаимосвязь между различными типами знания в историческом дискурсе и о нем.

В качестве предваряющих суждений отметим, что сосредоточение на различии в подходах к осмыслению исторического дискурса, признание их несводимости друг к другу открывает перед ученым-лингвистом важные исследовательские перспективы. Во-первых, это дает более широкие возможности для понимания и объяснения столь сложного и многогранного явления, как исторический дискурс; во-вторых, позволяет отчетливее выявить степень и формы взаимовлияния лингвистической, философской и методологической проблематики в изучении исторического дискурса; наконец, помогает определить роль и место собственно лингвистического анализа в выявлении специфики вербализации исторического знания. Основываясь на этой посылке, попытаемся в какой-то мере прояснить вопрос об отличиях в исследовательских интересах, касающихся исторического дискурса, и в общих чертах охарактеризовать современную познавательную ситуацию в данной сфере.

«Вербализованная история» как объект исследований в новейшее время требует междисциплинарного подхода. В начале XXI в. исследования, посвященные социально-историческому знанию и особенностям его вербализации, носят ярко выраженную междисциплинарную направленность, что заключается в преодолении разобщенности предметных областей знания, взаимодействии методов получения, передачи, интерпретации социальной информации. При этом междисциплинарный синтез современной исторической науки и наук о языке в общем контексте проблематики гуманитарных наук – человек в его отношениях с обществом, государством, другим человеком – характеризуется рядом существенных особенностей. Одна из от-

личительных черт современной познавательной ситуации состоит в возрастании степени многообразия исследовательских интересов, обусловленном потребностью в получении как можно более полной социальной информации. В топиках исторических исследований последних двух десятилетий доминирует широкий круг проблем социально-политического, социально-научного, лингво-культурологического характера: политическое присвоение прошлого и политологические акценты в историческом дискурсе; репрезентация ближайшего прошлого в средствах массовой информации; глобализованная история; новые национальные субъекты и идентичности; коллективная память и ретроспективная интерпретация социального прошлого; апелляция к прошлому и способы ее выражения в искусстве и литературе; границы философской интерпретации исторического процесса; новые тенденции в современной историографии и пр. Представленный перечень свидетельствует об особом внимании к проблемам языка и значения, к типам и способам коммуникации, высказывания и восприятия идеи и суждения, то есть к тому, как выражена и репрезентирована реальность в авторском тексте – вербальном и невербальном (Мегилл 2007; Медушевская 2010).

Заметной тенденцией настоящего времени является обращение к теоретико-познавательной проблематике исторического знания, то есть к анализу специфики *«вербализованной истории» как средства познания*. Для сферы исторического познания методологические рефлексии особенно актуальны, причем на первый план выходят фундаментальные проблемы объективности в изучении прошлого. Соотношение между фикцией и объективностью, иными словами, меж-

ду историческим нарративом и историческим знанием – предмет размышлений профессиональных историков, философов, языковедов. В XX в. эти вопросы активно разрабатывались в рамках аналитической философии истории (К. Гемпель, Э. Нагель, М. Мандельбаум, У. Дрей, А. Данто, Г. Вригт, М. Уайт, А. Порк, Э. Лооне, М. Кукарцева). Аналитическая традиция акцентировала внимание на проблеме объективности исторического исследования, анализе исторического объяснения, его логической структуры и функций, нарратива. Центральное место отводилось изучению принципов построения высказываний в исторических сочинениях, что в равной степени можно рассматривать и как обсуждение метода истории как типа знания, и как изучение специфики вербализации исторического знания. Нарративисты (У. Гэлли, А. Данто, Л. Минк, М. Уайт) анализировали дискурс истории в качестве научной дисциплины. Логическое исследование структуры нарратива вообще и нарративных предложений в частности было тождественно логическому исследованию структуры языка, используемого в исторической науке. Благодаря работам в области аналитической философии истории был существенно уточнен смысл понятия «историческое знание», прежде всего – с методологической точки зрения. В то же время, сформулированные в рамках аналитической философии представления о генерализации и объясняющих возможностях исторического знания не стали общепринятыми. В последние десятилетия XX в. многие специалисты продолжали придавать историческому знанию традиционный смысл конкретного знания, ориентированного на индивидуальное, уникальное, случайное. В целом же, в 70-х гг. XX в. проблемы

объективности, объяснения и нарратива не нашли однозначного решения. В последние десятилетия XX в. важную роль в концептуальной разработке проблем исторического знания сыграли работы американских (Л. Стоун и М. Каммен), французских (Ф. Бродель, А.-И. Марру, Ж. Ле Гофф, Ф. Шатле и А. Про), немецких (Р. Козеллек, В. Моммзен, О. Эксле, И. Рюзен), британских (Р. Эванс, П. Бёрк, Дж. Тош, Э. Карр), польских (Е. Топольски) и многих других видных историков и методологов. Особо следует отметить исследования по проблемам современного исторического знания, выполненные отечественными учеными, которые внесли важный вклад в развитие исторической методологии. Основные российские центры методологических исследований: Институт всеобщей истории РАН (М. Барг, Ю. Бессмертный, А. Гуревич, К. Хвостова, Л. Репина); Томский университет (Б. Могильницкий, С. Ким, В. Мучник); Московский университет (И. Ковальченко, Л. Бородкин); РГГУ (О. Медушевская, М. Румянцева, Г. Зверева и др.) (Мегилл 2007; Савельева, Полетаев 2003).

«Вербализованная история» как инструмент идеологии – предмет пристального анализа в рамках нарративно-лингвистической традиции (Р. Барт, Х. Уайт, Ф. Анкерсмит, Ст. Банн, Х. Келлнер, Л. Госман, Ф. Каррард), возникшей в 1970-е гг. Предпосылками к ее появлению стали: 1) изучение природы нарратива в рамках аналитической исторической эпистемологии; 2) литературная критика периода после Второй мировой войны; 3) исследования в области философии науки конца XX в. и др.

В исследованиях исторического нарратива можно выделить несколько направлений анализа, сформировавшихся в 1970–1980-е гг.: аналитическое, пост-

структуралистское, герменевтическое, доксографическое, семиологическое, а также направление, представленное школой Анналов. В частности, в работах представителей французской семиотической школы (Р. Барт, Ю. Кристева, Ж. Деррида) затрагивается прагматическая проблематика. Они проследили связь истории-текста с идеологией, видя основную прагматическую функцию исторических текстов в утверждении (навязывании) обществу определенной картины мира путем создания соответствующей текстовой реальности. Этот подход предполагает понимание идеологии как опосредованного, непрямого отражения реальности, «неверного» или «иллюзорного знания», при этом акцент делается на трактовке идеологии как языкового феномена. Идеология интерпретируется как жестко структурированное языковое отражение (описание) реальности, фиксирующее определенные смысловые значения. А поскольку реальность изменчива, то ее описание жесткими языковыми структурами (лингвистическими и дискурсивными) способствует генерированию и насаждению идеологически ориентированного знания (Мегилл 2007; Савельева, Полетаев 2003).

Таким образом, присутствие в историческом дискурсе идеологических модальностей признается нарративистами его неустранимым, имманентным свойством, причем свойство это характеризуется крайне негативно. Чтобы избежать радикализма и одностороннего представления мнений по этому вопросу, процитируем доводы современных отечественных исследователей социально-исторического дискурса К. А. Зуева и Е. А. Кроткова, которые склонны видеть в идеологической ориентированности исторического дискурса не только негативные стороны:

«...факты, упорядоченные в их хронологической последовательности – это еще не социально-исторический образ («картина социального прошлого»). Последний возникает проецированием на них идеологием, таких как «смысл истории», «национальная идея», «честь нации», ее «враги» и «союзники», «историческая справедливость», «чувство Родины» и т.п. [...] Однако идеологизм социально-исторического дискурса не является следствием недобросовестности и, тем более, умышленной предвзятости историков. Любой нормальный человек (не исключая и историка) нуждается в обретении «непреходящего» смысла своей жизни, что возможно лишь в контексте тех социокультурных общностей, с которыми он себя идентифицирует. Но смысложизненные векторы социального и индивидуально-личностного бытия невозможно «вывести» из окружающего нас мира [...]. Они формируются в головах [...] хранителей и трансляторов социального опыта [...]. Затем эти смыслы и ценностные ориентиры инкорпорируются в общественное сознание и проецируются не только на настоящие и будущие, но и на прошлые поколения, т.е. формируется *социокультурная идентичность в транстемпоральном измерении*» (Зуев, Кротков 2010: 61–62, выделено авторами).

Краткий экскурс в исследовательскую проблематику дает возможность сделать вывод о том, что тема языка в том или ином ее виде и качестве (междисциплинарном, теоретико-познавательном, прагматическом) оказывается в фокусе внимания приверженцев различных научных традиций. Данный обзор также позволяет в качестве одного из основных дискуссионных вопросов, касающихся специфики вербализации исторического знания, обозначить оппозицию «на-

учная ориентированность / идеологическая ангажированность исторического дискурса».

С одной стороны, история как сфера познания претендует на статус научности. С другой, особенно важную роль в формировании образа прошлого играет идеология, а принадлежность исторических исследований к научному знанию не исключает присутствия в них идеологических модальностей. Сочетание научных и идеологических мотивов в историческом познании – один из ведущих факторов, определяющих специфику исторического дискурса.

Как согласуются задачи поиска познавательной истины и оценки исторических явлений с точки зрения их значения для общества и личностного (то есть, по определению индивидуального) смысла для человека? Где пролегает граница между индивидуально-авторской интерпретацией исторического факта и тенденциозным представлением исторической действительности? Не претендуя на то, чтобы давать полные и окончательные ответы на сформулированные вопросы, отметим, что «дискурс есть выражение власти, и власть выражается в дискурсе – через систему взаимосвязанных речевых / текстовых средств, форм и приемов воздействия», при этом «за особым употреблением языка встает особая идеология» (Чернявская 2009: 159–160, выделено автором).

Выявить идеологические и научные мотивы историка и понять, какие из них первичны, а какие – вторичны, помогает лингвистическая экспертиза конкретного текстового материала, поскольку историческое знание имеет текстовую природу. Во-первых, связь субъекта познания с изучаемой им исторической реальностью опосредована источниками, то

есть, в основном, письменными текстами. Во-вторых, продуктом исторического познания тоже является текст, вербализующий знание о социально-исторической действительности и реконструирующий ее. В этом смысле, имеет место «отражение отражения», создаются «тексты о текстах». Таким образом, историческое познание является вторичным отражением исторической действительности, так как этот процесс опосредован текстами. Понимание текста – диалектическое взаимодействие автора и интерпретатора, своего и чужого, диалог разных эпох и культур.

В свою очередь, в характеристику любого текста, в том числе, исторического, входит стиль. Будучи понятием высокой степени абстракции, оно описывает наиболее общие закономерности вербализации исторического знания. Конкретизируя понятие «стиль» применительно к историческому тексту, мы имеем в виду *особый способ мыслительных и коммуникативно-речевых действий при вербализации исторического знания*. В каждом случае стиль получает конкретное воплощение. Историк как автор текста сталкивается с проблемами текстового формулирования, то есть с тем, «как с помощью особой – той и не иной – организации языковых единиц и форм представить ментальное содержание в адекватной текстовой форме» (Чернявская 2011: 82).

Переходя от рассуждений теоретического плана к анализу эмпирически наблюдаемых языковых явлений, мы намерены продемонстрировать некоторые особенности вербализации исторического знания на конкретных примерах употребления лексики иноязычной культуры, или, в терминологии В. В. Кабакчи, ксенонимической лексики (Kabakchi 2010). Материалом анализа послужил текстовый корпус, представленный англоязычными

ми изданиями, посвященными истории России XX в., опубликованными за рубежом и принадлежащими к двум различным жанрам: научной монографии и исторической публицистики. Таким образом, в основу отбора корпуса заложен сопоставительный принцип, так как цель исследования требует выявления языковых феноменов в сравнительном аспекте. Приведенные далее текстовые фрагменты экзemplарны и являются единичными, наиболее типичными примерами, заимствованными из описанного корпуса, точнее – из трех входящих в него источников. Труд Н. Лоуи написан в духе учебно-академической традиции; книга Р. Харви – популярное издание, рассчитанное на массового читателя; сочинение Т. Клиффа – пример идеологически ориентированной исторической работы.

О политической ангажированности последнего можно судить, в частности, по такому фрагменту:

Hence the appearance of the talkach – the supply expeditor – who, quite illegally, takes an enormous commission for acquiring materials, machines, etc. Hence also the great importance of blat, or personal influence, for acquiring this equipment to which the factory manager is not entitled. Russian publications give ample testimony that it is a major phenomenon there. Another necessary by-product of irrationality and arbitrariness, which serves to aggravate both, is the multiplication of contradictory control systems to which we referred above (Cliff 1958, 19–56).

Обращает на себя внимание тенденциозное использование ксенонимов *talkach*

и *blat*, относящихся в русском языке к разряду стилистически сниженной лексики, однако в данном тексте употребляемых в качестве своего рода «терминов», сопровождающихся краткими «дефинициями». Также примечательно анафорическое расположение маркеров каузальной связи и введение одного из них в форме пресуппозиции (*Another necessary by-product of irrationality and arbitrariness*), позволяющей внедрить некритически воспринимаемую информацию.

Передача оценочности при описании феноменов, обозначаемых с помощью заимствованной лексики, может принимать как вполне очевидные, так и весьма завуалированные формы:

Stalin was to become a tyrant and mass murderer presiding over a totalitarian regime – that is, one that sought to control every aspect of its citizens' lives. But his powers were not godlike or all-encompassing. He was the leader, rather than creator, of a Soviet ruling class, the *nomenklatura*, whose origins are explained by the historians J. Arch Getty and Oleg V. Naumov in *The Road to Terror* (Harvey 2004: 68).

Позволим себе оставить первый пассаж без комментария: с лингвистической точки зрения, он малоинтересен, так как представленные в нем средства оценки эксплицитны. Куда более любопытен второй пример: вполне корректное, нейтральное определение ксенонима-русизма *nomenklatura* (*a Soviet ruling class*) сопровождается отсылкой к его толкованию в историческом труде, само название которого – *The Road to Terror* – способствует расстановке идеологических акцентов.

В следующем фрагменте оценка выражается с помощью контекстных синонимов, содержащих ксенонимическую лексику:

So the Long March of the Chinese Communist Party to power was over: around 700 million people in the earth's most populous nation had fallen to the *Marxist-Leninist revolution*, multiplying by nearly four times the number of people *under communist rule*. Now some two-fifths of mankind was *under the hammer and sickle* (Harvey 2004: 123).

В первом случае употребляется номинация из лексикона официальной коммунистической пропаганды (*Marxist-Leninist revolution*), далее тональность снижается, что уже само по себе является фактом оценочности (*communist rule*), а затем пафос начальных строк абзаца окончательно нейтрализуется за счет употребления стилистически сниженного, отчасти даже уничижительного *was under the hammer and sickle*. Таким образом, для передачи имплицитно выраженной оценки служат средства субституции.

На характере употребления ксенонимов сказывается жанровая принадлежность текста:

In local government new elected provincial and district assemblies known as *zemstva* were introduced in 1864 in the European part of the empire. Each *zemstvo* was allowed to raise local taxes and was given some responsibility for education, health, prisons, transport and roads, credit and insurance, famine relief and general care of the poor. Where

appropriate, *zemstva* were expected to encourage industry and new methods of agriculture (Lowe 2002: 12).

92

Общий нейтральный стиль изложения обусловлен в данном случае, как нам представляется, не только отнесенностью текста к жанру монографической литературы, но и датировкой описываемых событий: ввиду своей временной удаленности исторические явления 2-й половины XIX в пылкой полемики и острых оценок, по всей видимости, уже не вызывают.

Возвращаясь к сформулированному выше вопросу о том, как согласуются в рамках исторического дискурса, с одной стороны, задачи поиска познавательной истины, а с другой – оценки исторических явлений с точки зрения их значения для общества и личностного смысла для человека, оговоримся, что в компетенцию лингвиста входит не столько выявление эпистемической специфики той или иной

отрасли знания, сколько выяснение ее роли в процессе текстопорождения. Историческое знание неразрывно связано с ценностями и мировоззрением; это не внешние компоненты, они входят в само содержание исторического знания. Историк живет в контексте своей эпохи, оценивает исторические события, исходя из собственных ценностей и ценностных установок своего времени, и ищет в прошлом то, что важно для современности. А в ценностном сознании невозможно уйти от предвзятости (Бобко 2011). Вопрос состоит в том, где находится грань, отделяющая выражение мировоззренческой позиции от навязывания «исторической правды». Нам представляется, что умение определять роль и степень проявленности познавательного и идеологического в историческом дискурсе непосредственным образом связано с пониманием языковых механизмов, лежащих в основе тенденциозного / нейтрального стиля изложения исторического материала.

summary

Σ [YELENA A. BOBKO, VALERIA E. CHERNYAVSKAYA]
 ‘Verbalized history’: subject for research, means of cognition,
 and ideological instrument

This article discusses ‘verbalized history’ as a subject matter for interdisciplinary research, a means of socio-humanitarian cognition, and an instrument of ideological influence. Based on the overview of research interests associated with these approaches, we consider linguistic problems to be of a particular importance, especially when analyzing scientific and ideological motivation in historical discourse. Specific features typical for the historical knowledge verbalization process are exemplified by neutral / biased use of xenonyms in texts related to the 20th century history of Russia.

Источники исследования:

- Cliff T., Changes in Stalinist Russia. 1958. Режим доступа: <http://www.marxists.org/archive/cliff/works/1958/xx/changes.htm>
- Harvey R. Comrades. The Rise and Fall of World Communism. 2004.
- Lowe N. Mastering Twentieth-Century Russian History. 2002.

Литература:

93

- Бобко 2011: **Бобко, Е. А.** Исторический дискурс: плюрализм мнений или релятивизация смыслов? // Стереотипность и творчество в тексте. Выпуск 15. – Пермь: Изд-во пгу, 2011. – С. 221–228
- Бобко 2012: **Бобко, Е. А.** Исторический дискурс как олицетворение социально-гуманитарного познания // Коммуникация в поликодовом пространстве. – Санкт-Петербург: Изд-во Политехн. ун-та, 2012. – С. 46–52
- Зуев, Кротков 2010: **Зуев, К. А., Кротков, Е. А.** Рациональность: дискурсный подход. – Москва: Изд-во РАГС, 2010. – 178 с.
- Мегилл 2007: **Мегилл, А.** Историческая эпистемология: Научная монография (перевод Кукарцевой, М., Кашаева, В., Тимонина, В.). – Москва: Изд-во «Канон+», 2007. – 480 с.
- Медушевская 2010: **Медушевская, О. М.** Теория исторического познания: Избранные произведения. – Санкт-Петербург: Изд-во «Университетская книга», 2010. – 572 с.
- Савельева, Полетаев 2003: **Савельева, И. М., Полетаев, А. В.** Знание о прошлом: теория и история: В 2 т. – Санкт-Петербург: Изд-во «Наука», 2003. – Т. 1: 632 с.
- Чернявская 2009: **Чернявская, В. Е.** Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. – Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 248 с.
- Чернявская 2011: **Чернявская, В. Е.** Коммуникация в науке: нормативное и девиантное. Лингвистический и социокультурный анализ. – Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 240 с.